

Е. Н. КУШЕВА

О ПЛЕНЕ КАК ИСТОЧНИКЕ ХОЛОПСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В дореволюционных трудах по истории русского права, выходивших уже в XX в., не раз подчеркивалось исчезновение полного холопства на Руси в XVII в., особенно во второй его половине, и замена его холопством кабальным — по смерти господина. Во втором издании «Русских юридических древностей» В. И. Сергеевич, анализируя ряд статей о холопах в Уложении 1649 г., писал: «Таким образом, с половины XVII века (а может быть, и ранее) у нас более не возникает вновь полных холопов, а только кабальные. Полное холопство поддерживается одним рождением от старых холопов».¹ Близки к этому утверждению высказывания М. Ф. Владимирского-Буданова. По его представлениям, в XVII в. источники полного холопства исчезли почти все; «холопство уничтожалось путем естественного вымирания за истощением его источников»; «к началу XVIII в. его можно считать окончившим свое существование». Рассмотрение мероприятий Петра I по введению подушной подати приводит автора к надуманному построению — о «конце института рабства» к началу XVIII в. и «новом его возникновении при Петре».²

И В. И. Сергеевич, и М. Ф. Владимирский-Буданов уделяют немного места плену как источнику холопства, ограничиваясь лишь упоминанием приговора от 21 августа 1556 г., установившего пожизненность холопства полоняника — до смерти пленителя,³ и статьи Уложения 1649 г. (гл. XX, ст. 61), не оставившей, по словам В. И. Сергеевича, от этого указа «ни малейшего следа» и признавшей за господином право отказывать пленников

¹ В. И. Сергеевич. Русские юридические древности. Изд. 2. СПб., 1902, стр. 164.

² М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Изд. 7. Пгр.—Киев, 1915, стр. 408—410.

³ М. Ф. Владимирский-Буданов неверно толкует этот приговор как устанавливающий «пожизненное кабальное (?) холопство».

по духовным завещаниям, дарить их и давать в приданое.⁴ Оба автора не придали значения этой статье уложения, ослабляющей приведенные выше утверждения о судьбе холопства на Руси. Между тем и в дореволюционной литературе можно найти указания, которые побуждают уделить большее внимание вопросу о плене как источнике холопства в XVII в., особенно во второй его половине.

В вышедшем еще в середине XIX в. труде А. Лохвицкого⁵ находим ряд важных положений, основанных — для XVII в. — преимущественно на материалах Полного собрания законов. Для этого периода автор указывает прежде всего на различные отношения к пленным, взятым в войнах с западными соседями и с восточными народами; для первых устанавливает деление пленных на две категории — государственных, т. е. военных, людей, которые после заключения мира освобождались разменом или выкупом, и частных, взятых «в изгоях», составлявших «частную добычу» и обращавшихся в холопство;⁶ он называет его особой формой холопства — «холопство пленное», которое в XVII в. уже «весьма мало отличалось от вечного»; перечисляет три источника пленного холопства: 1) взятие в плен, 2) отдачу пленного в частное владение правительством и 3) покупку пленного у «первого приобретателя»; говорит о «полонных книгах», к записке в которые владельцы пленных приводили их в приказ «для избежания споров»; рассматривает статьи о пленных в договорах с Польшей и со Швецией; перечисляет, хотя и кратко, учреждения, ведавшие на Руси пленными.

Статьи о пленных по Андрусовскому 1667 г. и Кардисскому 1661 г. договорам и о их выполнении рассматривались в ряде трудов, в том числе Н. Н. Бантыша-Каменского и Г. Форстен, показавших, какое большое место занимали эти статьи в дипломатических переговорах России с Польшей и Швецией.⁷

Если А. Лохвицкий основывал свои наблюдения преимущественно на законодательных актах, то во второй половине XIX и в XX в. «полонные люди» привлекли внимание исследователей, поднимавших пласты архивного материала. На наличие «полон-

⁴ В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, стр. 138—139; М. Ф. Владимирский - Буданов. Обзор истории русского права, стр. 392—395.

⁵ А. Лохвицкий. О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). М., 1855.

⁶ В дальнейшем в настоящей статье речь будет идти только о пленных, взятых в войнах с западными соседями, и только о составлявших «частную добычу».

⁷ Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России (до 1800 г.), ч. 3. М., 1897, стр. 118, 122, 129, 135—137, 139—140, 157; ч. 4. М., 1902, стр. 173—175, 180—190, 195, 209, 210, 219 и др.; Г. Форстен. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (1648—1700). ЖМНП, 1898, февраль, апрель, май, июнь.

ных людей» среди сельского населения России XVII в. указывало изучение переписных книг 1670-х и отчасти 1640-х годов. М. А. Дьяконов обнаружил «полонных людей» наряду с кабальными, полными холопами и выходцами из-за рубежа среди задворных и деловых людей, т. е. холопов, посаженных на пашню и включенных по переписи 1678/79 г. в тягло; пользовался он как извлечениями из переписных книг, опубликованных еще в 80-е годы XIX в. Е. Е. Замысловским, так и результатами своих изысканий.⁸ Ю. В. Готье уделил большое внимание наличию выходцев из-за рубежа и полонных людей в Замосковном крае XVII в.; указал на значение войн 50—60-х годов XVII в. при царе Алексее Михайловиче для усиления притока из-за рубежа как добровольных выходцев, так и пленных, среди которых преобладало тяглое население. По наблюдениям Ю. В. Готье, большая часть пленников обращалась в холопы, меньшая — в крестьян. Похолощение пленников оформлялось записью в «полонные книги» на Москве в приказе Холодного суда или воеводами в съезжих избах. Пользуясь переписными книгами 1678/79 г., автор зарегистрировал известия о полонных людях по 19 уездам Замосковского края, оговаривая, что сведения эти неполны, так как переписчики не всегда точно обозначали различные категории сельского населения. Собранные данные привели Ю. В. Готье к выводу (правда, предположительному), что в одном только Замосковном крае полонных людей, взятых в 1650—1660-е годы во время русско-польской войны, было «более одного десятка тысяч»; это сообщило, «быть может, на некоторое время неможно белорусский оттенок холопскому населению Замосковья». Некоторое число пленных доставила, по мнению Ю. В. Готье, и сравнительно более короткая война со Шведией.⁹

Названные труды М. А. Дьяконова и Ю. В. Готье не помешали С. А. Шумакову высказать справедливое замечание о том, что вопрос о полонных людях еще недостаточно изучен. В своих публикациях С. А. Шумаков использовал несколько судебных дел о полонных людях, извлеченных им из архивных фондов Поместного приказа и Разряда. Также делами Разряда воспользовался Н. Новомбергский, приведя ряд примеров «вымученных» кабал на пленников. Были опубликованы отдельные акты, закреплявшие полонных людей за их владельцами.¹⁰

⁸ Е. Е. Замысловский. Извлечения из переписных книг. I. СПб., 1888; М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898, стр. 256—257, 283—284.

⁹ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в. М., 1906, стр. 285—316.

¹⁰ С. А. Шумаков. 1) Заметки по истории Рязанского стола Поместного приказа. Рязань, 1903; 2) К вопросу о задворных и полонных людях. Витебск, 1910; Н. Новомбергский. Вымученные кабалы в Московской Руси XVII столетия. Журн. Министертства юстиции, 1915, май, стр. 207—209, 213, 224 и др.

В советской исторической литературе можно назвать только одну монографию, в которой специально изучается холопство на Руси XVII в., — труд А. И. Яковлева, вышедший в 1943 г.¹¹ Выдающееся значение для изучения холопства имеют материалы московского приказа Холопьяго суда, обнаруженные А. И. Яковлевым в составе фонда Оружейной палаты в ЦГАДА. Преимущественно на них и построена основная часть исследования А. И. Яковлева, ставившего своею целью изучение взаимоотношений холоповладельцев и холопов и применения в судебной практике правовых норм, далеко не всегда ясно изложенных в Уложении 1649 г. и в указах. А. И. Яковлев пришел к выводам, резко отличающимся от неоднократно высказанного в исторической литературе мнения о том, что в XVII в. — с распространением холопства по служилой кабале — прекратилась передача холопов по наследству: на примере тяжёбных дел автор показывает трудности борьбы похолопленных людей за освобождение. Отсюда его вывод: «Крошечное юридическое достижение не наследственности для холоповладельцев кабального холопства» в потоке времени заносилось «песком и илом обычного права», стойко отстаивавшего принцип «старинны» и наследственности холоповладения.¹²

Изучая судебные дела о холопах, А. И. Яковлев обнаружил ряд дел о пленниках, «литовских полоняниках», попавших в частные руки во время русско-польской войны 1650—1660-х годов, и изложил содержание 13 таких дел, которые велись в приказе Холопьяго суда. Обзор их автор заключил эмоциональным высказыванием: «Во всех цитированных полонных делах чувствуется глубокий атавизм явлений военного захвата, заставляющий нас вспомнить старинные, летописью описанные сцены, когда в XII—XIII вв. княжеская дружина возвращалась из похода на половцев или на свои же русские волости, „ополовинившись“ большим полонем и не оставив в разгромленной земле, по известному выражению Мономаха, „ни человека, ни скотины“».¹³

Монография А. Г. Манькова посвящена специально истории крестьянства.¹⁴ Не ставя задачи подробного рассмотрения вопроса о пленниках, тем более о пленниках-холопах, автор вместе с тем указывает на его большое значение для изучения крепостного населения России XVII в. и считает, что «существенным источником пополнения рядов крепостных в условиях XVII в. были пленные»; анализ ряда законодательных актов, относящихся к пленным, приводит автора к весьма серьезному выводу: «Царское

¹¹ А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.—Л., 1943.

¹² Там же, стр. 292.

¹³ Там же, стр. 122—123, 142—143.

¹⁴ А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.—Л., 1962.

правительство 2-й пол. XVII в. поднимало вопрос о пополнении рядов крепостных людей за счет военнопленных и иноверцев до уровня общегосударственной задачи».¹⁵

И дореволюционные, и советские исследователи упоминают «полонные» или «положняничные» книги, которые велели в Москве в приказе Холопьяго суда и в городах в съезжих избах. Книжки эти еще не изучены. Настоящая статья и имеет целью показать на нескольких примерах значение «полонных книг» как массового источника для изучения одного из видов холопства на Руси XVII в.

В своей рецензии на публикацию «Новгородских кабалных книг», вышедшую в 1938 г. под редакцией А. И. Яковлева, В. И. Шунков напомнил указ от 1 сентября 1558 г. о регистрации в книгах крепостей на пленных, оговаривая, что «в нашем распоряжении нет прямых указаний на характер упомянутых книг». В рецензии В. И. Шунков поделился результатами изучения фонда Новгородской приказной палаты, где он обнаружил и ряд «полоняничных книг» за 1650—1670-е годы, существовавших наряду с кабалными книгами и отличных от них.¹⁶ Если в рецензии В. И. Шунков только кратко упомянул о новгородских полоняничных книгах, то в предисловии к подготовленной им еще до войны, но, к сожалению, остающейся до сих пор не напечатанной публикации «Новгородские кабалные книги» он дал перечень выявленных им «книг записных полоняничных» за 1665—1666, 1671—1675, 1677—1678 и 1686 гг. по Новгороду и его пятинам.¹⁷ Книжки эти находятся в ЦГАДА в фонде Новгородской приказной палаты. Составленный В. И. Шунковым перечень может быть пополнен, надо надеяться, будет пополняться и в дальнейшем.

Первая из сохранившихся в названном фонде полоняничных книг относится к 1665 (1656—1657) г., т. е. ко времени, когда после нескольких лет военных действий русских войск в Белоруссии и в Литве против Польши с нею было заключено перемирие и началась война со Швецией в Прибалтике.

Небольшая книга по Новгороду озаглавлена на л. 1 «Книжки записные литовским и немецким полоняникам 165 году».¹⁸ Она начинается 1 октября 1665, т. е. 1656 г.; первые 17 листов кончаются февралем 1657 г., далее на л. 18—23 идут записи за июнь—август 1657 г. На полях книга скреплена новгород-

¹⁵ Там же, стр. 201, 222—224, 246, 251—252 и др.

¹⁶ См.: Историк-марксист, 1939, № 2, стр. 158.

¹⁷ В. И. Шунков. Новгородские кабалные книги. Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР. ф. 1, опись А, раздел I, №№ 54, 54а, 54б, 767 машинописных страниц. В неосуществленную публикацию вошли книги 1601—1611 гг.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 1144/1, Новгородская приказная палата, № 34, л. 1—23. Книга эта не была известна В. И. Шункову.

скими дьяками Василием Шпилькиным и Иваном Зиновьевым, сохранилась полностью.

Книга начинается изложением указа: «Лета 7165 октября в 1 день по г. ц. и в. князя Алексея Михайловича всеа В. и М. и Б. России самодержца указу воевода князь Иван Андреевич Голицын да дьяк Василий Шпилькин велели в Великом Новгороде польских и литовских и немецких полоняппков, которые в прошлых и в нынешнем во 165 году взяты в полон, приводить к записке в съезжую избу и впредь для укрепления, распрашивая и в приметы описав, записывать в записные книги, а без записки в Великом Новгороде тех польских и литовских и немецких полоняппков никому у себя держать не велел, чтоб впредь в тех полоняппках, хто от кого збежит, спору не было. Да и в Новгородский уезд в пятини к губным старостам о записке тех полоняппков велели послать памяти. А пошлин в государеву казну велели с тех полоняппков имать против служилых холопных кабал з головы по 3 алтына, потому что в тоудареве цареви и великого князя Алексея Михайловича всеа В. и М. и Б. России самодержца указе в Соборном Уложении в главе в 20-й в статьях 98 да в 99 написано». Далее изложены упомянутые статьи, в которых, как известно, речь идет о записке в Холопьем приказе пленных татар по данным, по купчим или взятых в плен самим приведенным пленного в приказ. Далее текст продолжается так: «И по г. ц. и в. князя Алексея Михайловича указу и по приказу воеводы князя Ивана Андреевича Голицына да дьяка Василия Шпилькина в Великом Новгороде в нынешнем во 165 году дворяном и детем боярским и приказным людям и торговым посадским и всяких чинов людям польские и литовские и немецкие полоняппки в записные книги записываны, а кому именем и хто имяны полоняппки в записные книги записаны и что в государеву казну пошлин взято, и тому книги».¹⁹

Согласно этому указу каждая запись в книге содержит дату привода полоняппка, имя приведшего, изложение его челобитной о записке, имя полоняппка, его расспрос о происхождении, месте и времени взятия в плен, иногда и подробности пленения, запись примет, возраста (не всегда указан), наконец, отметку о взятых пошлинах. В тех случаях, когда приведенный пленника приносил на него купчую или данную, записывались их полные копии.

В течение октября—февраля и июня—августа 7165 г. в Новгороде явилось для записки полоняппков 12 человек, из них 6 — новгородские дворяне разных пятин и один стряпчий; 2 поставили к записке купленных в походе людей, но не представили на них купчую, остальные пятеро сами захватили полоняппков

¹⁹ Указ о записке литовских полоняппков был дан 27 февраля 1656 г. (А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России, стр. 223). Производилась ли в Новгороде запись в полоняппничные книги в 7164 г., неясно.

«в забегах». Двое новгородских подъячих записали полоняников по купчим, двое новгородцев торговых людей (один из них — гостинной сотни Афанасий Никифоров сын Микуляев) — по данной и по купчей. Наконец, тулянин рейтарского полка привел выходца, вольного человека г. Витебска. Продавцами в трех случаях были новгородские дворяне, в трех других — «боярские загонные люди», казанские татары, донской казак. Приведено к заныске было 29 человек. Годы полоняников указаны в 17 случаях, из них 30-летний — один, в восьми случаях записанным менее 15 лет, есть среди них и дети 10, 12 лет, а «малой Васька» лет не сказал, вероятно, и не знал, сколько ему лет. Из 29 2 крестьянина с женами и семьями, 14 — крестьянские сыновья и дочери (некоторые называли и панов, за которыми жили их отцы), трое — посадские люди г. Полоцка, один, как уже упоминалось выше, г. Витебска «вольной человек», Фомка, 17 лет, который сказал, что «своею волею пришел в Великий Новгород и бил челом служить во двор воеводы князя Ивана Андреевича Голицына человеку ево Ортемяю Иванову сыну Тотарину, а он де его отдал во двор новгородцу торговому человеку Костянцину Родионову сыну Харламову».²⁰ В 7 случаях полоняники не дали сведений, кто они. Годами пленения указаны 7162-й, 7163-й и 7164-й. Большинство были взяты в походах в Белоруссию и Литву: в Смоленском,²¹ Полоцком, Ковенском, Виленском уездах, но 13 были взяты в полон под Юрьевом Ливонским в 7164 году, т. е. уже в шведском походе. Для 12 есть сообщения о том, что они «крещены»; многие, вероятно, были взяты в плен православными.

Из 12 владельцев пленных семеро привели к записке по одному полонянику или полонянке, трое — по 2, Обонежской пятины Петр Савишов сын Горихвостов — 4 крестьянских сыновей; одного из них (Виленского уезда) взяли в плен «немецкие люди», т. е. шведы, «от немец» их взял «на бою» под Юрьевом Ливонским Петр Горихвостов. Семен Тушин привел к записке 2 крестьянские семьи, взятые в плен его братом Борисом Дементьевым сыном Тушиным в 7164 г. также под Юрьевом и посаженные им во крестьяне в его поместье в Коломенском погосте Новгородского уезда (до пленения они жили «во крестьянх за Михайлом Яковлевым сыном Пунтосова»;²² в этом случае за каждую семью взяли пошлины по 5 алтын),²³ и крестьянского сына Ваську (русское имя Ортюшка) «не в полном возрасте, мал, лет в 10», взя-

²⁰ ЦГАДА, ф. 1144/1, № 34, л. 7—8 об.

²¹ Один случай, противоречащий указу от 30 июля 1654 г. ПСЗ, I, № 135.

²² Очевидно, сыном Якова Делагарди.

²³ Все члены семей, кроме одной девки Окулинки, вероятно младенца, были «крещены», т. е. обращены в православие.

того под Витебском «человеком», т. е. холопом, Бориса Тушина. Всего Семен Тушин привел к записке 12 полоняников.

Полоняничные книги 7165 г. по Новгородским пятиням сохранились в двух переплетах среди кабалных и крестьянских книг. К сожалению, одна из таких сборных книг не выдается за ветхостью.²⁴ В другой на л. 29—44 находим полоняничную книгу 7165 г. Нагорной половины Обонежской пятины; на л. 84—84 об. — одну февральскую запись этого же года из полоняничной книги Тверской половины Бежецкой пятины.²⁵

Полоняничная книга 7165 г. Нагорной половины Обонежской пятины скреплена по листам губным старостой Ульяном Дубасовым и на боковых полях — новгородским дьяком Иваном Зиновьевым. Записи охватывают октябрь—август 7165 г., книга дошла полностью, но записи идут с большими пропусками чисел и месяцев: после 15 октября — 22 декабря, после 29 апреля — 15 июля, что, очевидно, связано со сроками возвращения служилых военных людей из походов. Записи в этой книге значительно короче, чем в Новгородской: происхождение полоняников не указывается, расспросные речи и приметы переданы суммарно, без рассказа об обстоятельствах пленения, иногда и место пленения не названо, нет отметок о крещении «в православную христианскую веру», не всегда обозначены возраст и взятие пошлин, хотя на л. 44 читаем: «По сем записным полоняничным книгам пошленные деньги в государеву казну взяты».

Начинается книга (на л. 30) таким текстом: «Лета 7165 года октября в 15 день по г. ц. и в. князя Алексея Михайловича всеа В. и М. и Б. Росии самодержца указу и по наказу воеводы князя Ивана Андреевича Голицына да дьяки Василия Шпилькина Обонежские пятинны Нагорные половины губной староста Ульян Дубасов на губном стану дворяном и детям боярским, которые приволили полоняников своих литовского полону к записке в книги, имяна и приметы тех полоняников записывал».

На губной стан Нагорной половины Обонежской пятины в 7165 г. явились для записи полоняников 12 дворян и детей боярских и 5 вдов (возможно, мужья их не вернулись из походов), которые привели 52 полоняника — мужчин, мальчиков, женок, девушек, девочек. Когда годы взятия в плен указаны, это 7162-й, 7163-й и 7164-й, как и в книге по Новгороду. Взяти были полоняники под Полоцком, Витебском, Вильно, в Витебском, Оршанском, Вилепском и Ковенском уездах. Для 7164 г. в шести случаях отмечено: «взят под Брестью» или «идучи ис под Вильна под Брестью». Судя по Новгородской книге, полоняники чаще всего были из крестьянской среды, здесь они называются просто людьми «литовского полону» или «литовскими полоняниками»;

²⁴ ЦГАДА, ф. 1144/1, № 35.

²⁵ Там же, № 33, на 171 л.

в одном случае находим указание на «немецкого полоняника», взятого под Юрьевом Ливонским; дата и место пленения «немецкого полоня» женки с дочерью не названы. «Немецкий полон» этой книги, как и книги по Новгороду, — результат начала русско-шведской войны.

Возраст указан для 41 записанного в книге, 13 из них моложе 15 лет, среди них есть мальчики и девочки 10, 9, даже 6 лет; напомним, что запись происходила иной раз через несколько лет после взятия в плен. Лишь в двух случаях указан возраст в 30 и 35 лет, возраст большинства — 15—25 лет.

Среди новгородских помещиков, приведших полоняников к записке, выделяются трое — Герасим Герасимов сын Унковский, Иван Антошев сын Забелин и Иван Палицын. Первый явился в 7165 г. на губной стан два раза: 22 декабря он привел «литовского полоня» женку 17 лет, девку, «мальчика» и «человека своего», взятых им в 7163 и 7164 гг. в Вилниском уезде, под Витебском за Неманом (за Немонтой рекой); 28 июля он снова записал четверых, трое из них были пленены в 7164 г. под Брестом. Иван Забелин привел шестерых (дата записана неясно): двух женок 25 и 20 лет, девку 18 лет, парня 17 и двух мальчиков 13 и 10 лет. Иван Палицын в августе записал семерых полоняников, взятых в 7163 г. в Вилниском уезде: девочку 9 лет, 3 девок 16—18 лет, мальчика 11 лет и двух парней 16 и 13 лет. Остальные помещики и их вдовы записывали по 4, 3, 2 полоняника, трое — по одному.

Один из трех полоняников, поставленных 17 февраля 7165 г. перед губным старостой Тверской половины Бежецкой пятины Кириллом Яковлевым сыном Шамшевым, был куплен им «с чаю под Вильным»; купчая, видимо, не была оформлена.

Полоняничные книги 7165 г. по другим новгородским пятинам находятся, можно предполагать, в том переплете, обследовать который не удалось. Но, видимо, именно в пятинах, а не в самом городе записка пленных шла особенно оживленно. Так, в полоняничных книгах Подусской половины Вотской пятины 7166 г. с 3 июня по 31 августа 1658 г. было записано 96 полонных людей; Деревской пятины Жихарева половины Рябчикова с 29 января по 18 июня того же года — не одна сотня.²⁶

Надо заметить, что полонных людей записывали не только в полоняничных книгах; они попадаются и в кабальных, и в крестьянских книгах (как и «выходцы», вышедшие на Русь «своею волею»). Мотивы, по которым в этих случаях помещики предпочитали оформить зависимость пленного служилой кабалой или порядной в крестьяне, неясны.

Тягелное дело, решенное в Москве в 1657 г., показывает, что были попытки насильственного похолопления пленных, на-

²⁶ Там же, № 36, па 515 л., л. 77—112 и 311—514.

ходившихся в тюрьмах и получавших корм в качестве государственных военнопленных. Тот же повгородский воевода кн. Иван Андреевич Голицына, по наказу которого велось в 1716 г. полоняничные книги, взял к себе «во двор сильно» из новгородской тюрьмы трех служилых людей родом Полоцкого и Витебского уездов, попавших в плен при осаде Полоцка и Витебска, и держал их у себя без крепостей. Похолопленные били челом об освобождении (одному, по-видимому, удалось бежать от Голицына в Москву) и добились этого. В Москве по докладу царю было принято решение: «Указали мы, великий государь, полякам служилым людям: Сеньке Иванову сыну Кондырева, Ивашке Кузьмину сыну Дичковскому, Мишке Александрову сыну Рымельту быть в службе в нашем великого государя в выборном полку, в какой чин они пригодитца. Писан сей наш великого государя указ в наших царских полатах лета 7166-го декабря в 24 день». Исход дела отражает стремление московского правительства использовать военнопленных для службы в русских войсках. Все трое, вероятно католики, были крещены «в православную христианскую веру»: Дичковский и Рымельт во дворе князя Голицына, Кондырев — еще в тюрьме.²⁷

Русско-шведская война была прекращена в конце 1658 г. Валиесарским перемирием, но русско-польская возобновилась и велась, то ослабляясь, то снова разгораясь, до 1667 г. Полоняничные книги, выявленные В. И. Шупковым, отражают — хотя далеко не полностью — приток пленных в Новгород и некоторые его пятины в 1660-е годы, две — 17178 и 17186 гг. по Тверской половине Бежецкой пятины — относятся уже к 1670-м годам.

Андрусовский договор 30 января 1667 г. и последовавшие за ним дополнительные переговоры о перемирии, конечно, уделили специальное внимание вопросу о пленных. Результатом переговоров было решение о том, что шляхта и вообще военные люди и мещане подлежат возвращению в Польшу (за исключением тех, которые добровольно захотят остаться), а «пашенные люди» (т. е. бывшие крестьянами до их взятия в плен) не выдаются; в дальнейшем то же правило было применено и к мещанам.²⁸

Несомненно в связи с пунктами о пленных перемирного договора 1667 г. были составлены по указу от 1 марта 17175 (1667) г. и по памяти из Полоняничного приказа в приказ Холопьяго суда особые «выписные книги»: ²⁹ в Холопьем приказе было «вы-

²⁷ 1657 г. декабря 22—24. Об освобождении от холопства и отдаче в государеву службу пленных поляков. ЧОИДР, 1901, кн. I. Смесь, стр. 2—4. Публикация документов дана без легенды.

²⁸ ПСЗ, I, № 398, 401, 403, 420; Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. 3, стр. 135—137, 139—140; А. Лохвицкий. О пленных по древнему русскому праву, стр. 14—15.

²⁹ ЦГАДА, ф. 137, Боярские и городовые книги. Стрелецкий приказ, № 4, на 107 л. Книга эта указана под рубрикой «Холопий приказ» в подготовленной к печати В. Н. Шумиловым описи фонда № 137.

писано ис полоняничных книг полоняников шляхте и шляхетским женам и их детям и всяким служилым людям, которые объявились у записки в записных полоняничных книгах с прошлого 164 году марта с 18 числа по нынешней по 175 году марта по 19 число, и тем полоняником имена писаны в сех выписных книгах». Выписные книги скреплены по листам дьяками Холопьего приказа Иваном Степановым и Иваном Андреяновым и справлены по пижному полю подьячими приказа. Они представляют большой интерес как выписки из «московских записных полоняничных книг» Холопьего приказа, подлинные крепостные книги которого не дошли до нас. Одна из причин этого — стрелецкое восстание 1682 г., когда 15 мая стрельцы разгромили Холопий и Судный приказы: «В приказе Холопьего суда полонные и кабальные книги в смутное время все подраны».³⁰

Выписки сгруппированы по годам и даны в такой форме: «Марта в 18 день (164 года) записан за Иваном Михайловым сыном Койсаровым Мирошка Иванов, а в распросе сказался Мстиславского повету росыльщиков сын». Для шляхты, шляхетских сыновей, жен, дочерей сведения обычно несколько подробнее. Часто названы два имени полоняника или полонянки — прежнее и «по крещению»: Ян — Ивашко, Войтек — Васька, Фалктея — Анна, Алисея — Вера, Крестипка — Авдотьица и т. д. Даты и места пленения не даны, нет и обстоятельств пленения. Возраст также не указан.

В дальнейшем рассматриваются данные «выписных книг» за два года — 7164 и 7165. А. Г. Маньков обнаружил в фонде Разряда указ от 27 февраля 1656 г. о записке в приказе Холопьего суда и в городах полоняников, «которые взяты в литовском походе в прошлых во 162 и во 163-м и в нынешнем во 164 году». Как показывают «выписные книги», на Москве записка началась 18 марта 1656 г.³¹

Для 7164 (1656) г. записи идут за все месяцы — с 18 марта по 28 августа. 37 лиц записали за это время 90 полоняников и полонянок шляхетского происхождения или других разрядов служилых людей.

Состав записывавших таков:

Бояре и князья	7	Дьяки	5
Окольничие	5	Подьячие	2
Стольники	2	Сокольник	1
Служилые люди без указания чина	11	Гость	1 (3 записи)
		Оконничий мастер	1

Всего 35

³⁰ С. А. Шумаков. К вопросу о задворных и полоняных людях. Витебск, 1910, стр. 25 — из челобитной 1690 г.; В. И. Бугапов. Московские восстания конца XVII века. М., 1963, стр. 158, 161.

³¹ А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России, стр. 223.

Среди бояр, окольных, стольников находим представителей правительственной верхушки, близких ко двору, начальников важнейших приказов, командующих войсками в русско-польской войне. Здесь надо назвать таких лиц, как боярин И. Д. Милославский, бояре князя Н. И. Одоевский, С. А. Урусов, Г. С. Куракин; среди окольных и стольников — Б. М. Хитрово, кн. Ю. Н. Барятинского, кн. С. Р. Пожарского, кн. М. А. Голицына, И. Б. Милославского. Названные без указания чина — очевидно, московские служилые люди более низких рангов. Дьяков и подьячих находим в этом году в таких московских приказах, как Разряд, Поместный, Стрелецкий приказы. Гость Василий Шорин явился для записки три раза.

Текст книг не раскрывает обстоятельств приобретения пленников. Если характер расспросов, отраженных в книге по Новгороду, позволяет думать, что многие новгородские дворяне, участники походов, сами брали полон, то для московских полонных книг надо предположить иное. Некоторые, как Василий Шорин или оконничные мастера, очевидно, приобрели пленников по купчим; для видных военных начальников, вероятно, полонили их «боярские люди» или подчиненные служилые люди.

Состав полоненных таков:

Шляхтичи	23	Драгун	1
Шляхетские сыновья . . .	14	Немчиг	1
Шляхетские дочери . . .	26	Казак	1
Шляхетские жены и вдовы	17	Казачьи сыновья	5
Служилого отца сын . . .	1	Казачья вдова	1
		<hr/>	
		Всего	90

Среди указаний, из каких мест родом полоняник или полонянка, пестрят названия городов, уездов, поветов, где во время походов побывали русские войска (Смоленск, Витебск, Ковно, Гродно, Вильно, Брест: Оршанский, Минский, Виленский поветы и т. д.), указаны и более отдаленные пункты на территории Польши, как Краков, Краковский, Люблинский, Познанский поветы.

В 7165 г. (с 10 поября 1656 г. по 28 августа 1657 г.) 32 лица записали 39 полоняников и полонянок. Состав записывавших и записываемых сходен с данными 7164 г.:

Бояре и князья	6	Кормового двора ключник	1
Окольничие	3	Стрелецкий сотник	1
Стольники	2	Сокольник	1
Стряпчие	2	Служилые люди без указания	
Жилец	1	чина	13
Полковник	1	Дьяк	1

Всего 32

Шляхтичи	9	Служилые королевские люди и их сыновья	4
Шляхетские сыновья	6	Урядников сын	1
Шляхетская жена	1	Гайдуцкий сын	1
Шляхетские дочери	9	Пушкарский сын	1
Служилых людей сыновья	4	Казачий сын	1
Служилого человека жена	1	Казачья жена	1
		Всего	39

И в записках за 1665 г. названы также видные лица, как бояре кн. И. А. Хованский, кн. И. С. Прозоровский, окольные слова Б. М. Хитрово, кн. С. П. Львов, стольники М. В. Шереметев, М. И. Морозов.

Приведу несколько примеров записки.

24 марта 1656 г. окольный князь Юрий Никитич Барятинский записал шляхтича и 6 шляхетских сыновей.

22 мая 1656 г. боярин князь Семен Андреевич Урусов записал 10 полоняников: 6 шляхтичей (один — Ян Курчинский, во крещении Ивашко Васильев, был женат во дворе Урусова на девке Палашке Павловой дочери), панью Анну, «а по литовски Фалктею», жену пана Кождраска (?) Росинского города, 4 шляхетских дочерей.

24 мая того же года за окольным князем Семеном Романовичем Пожарским было записано 14 полоняников: 3 шляхтича (один с женою), 2 шляхетских сына (один также с женою), 6 шляхетских дочерей, один драгун.

Гость Василий Шорин привел к записке 22 мая 1656 г. шляхетского сына, двух шляхетских вдов и вдову казака; 24 мая — шляхтича, 18 июля — девку, шляхетскую дочь.

Можно предположить, что шляхтичи и шляхетские сыновья в ряде случаев обращались в холопов — военных слуг боярина или окольного, но большинство перечисленных в «выписных книгах» полоняников, очевидно, пополняли состав холопов в московских дворах знати. Нет сомнения в том, что подлинные полонные книги Холопьяго приказа отражали более широкую записку полоня и из тяглых слоев населения.

Для выяснения судьбы полоняников шляхетского или вообще военно-служилого происхождения после Андрусовского перемирия необходимо обращение к делам Посольского приказа, фонда «Сношения России с Польшей», и к тяжбыным делам Посольского приказа и приказа Холопьяго суда в фондах «Приказные дела старых лет» и Оружейной палаты в ЦГАДА. Но и в период заключения «Вечного мира» с Польшей в 1680-е годы в России оставались также полоняники, которые по смыслу Андрусовского договора давно должны были быть возвращены. А. Г. Маньков указал на документ, показывающий, что после заключения мира с Польшей 1686 г. не только пахотные крестьяне, но и шляхта,

и «войсковые всякого чина люди», взятые в плен во время войны 1650—1660-х годов и поселенные в поместьях, вотчинах и во дворах у бояр, окольных, думных и ближних людей, должны были остаться при них «вечно».³²

Условия о пленных в перемирном договоре со Швецией 1658 г. и в пункте 20-м Кардисского мирного договора 1661 г. отличаются от условий Андрусовского договора: взаимному размену и возвращению подлежали пленные, независимо от сословного происхождения. Но в редакцию русского экземпляра договора была внесена оговорка о возврате всех пленных, кроме принявших в России греческую веру. Разница в изложении этого пункта в русской и шведской редакции договора, неясность вопроса о том, как поступать с пленными, которые были православными до взятия в плен, сомнения в добровольности перекрещивания вызвали длительные споры, тянувшиеся и в 1670-е годы.³³ Чтобы яснее представить судьбу полоненных, нужно обратиться к шведским делам Посольского приказа и к судебным делам о пленных.

А. Лохвицкий указал в числе источников холопства «отдачу пленного в частное владение правительства». Такие случаи мне неизвестны.

Параллельно притоку пленных и в первой, и во второй половине XVII в. шел приток добровольно выходивших на Русь из-за польского и шведского рубежей. Но это — особая тема, которой в советской литературе уделено большее внимание.

Как упоминалось выше, А. Лохвицкий считал, что холопство, возникавшее для попавшего в плен в частные руки, мало отличалось от «вечного». С этим утверждением можно согласиться.

61-я статья XX главы Уложения 1649 г. приравнивала «полонников иных земель» к полным и докладным холопам и к купленным людям, разрешая давать таких холопов в приданое, писать в духовных в надел женам, детям, внучатам и правнучатам, писать в данных и рядных грамотах. Статья прямо противопоставляла холопов таких разрядов холопам по служилой кабале, которые «крепки по кабалам по смерти бояр своих». И в ряде указов, данных после Уложения, полоняники стоят в перечнях тех же наследственных холопов. Оформление холопства пленника записью в «полоняничные книги» несомненно отличалось от выдачи вольным человеком служилой кабалы господину.³⁴ Рассмотрение судебных дел о пленных и акты по сделкам, объектом ко-

³² Там же, стр. 223—224.

³³ ПСЗ, I, № 301; А. Лохвицкий, О пленных по древнему русскому праву, стр. 19 и сл.; Н. Н. Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений России, ч. 4-я, М., 1902, стр. 174—175, 180—188, 190, 195; Г. Форстел, Сношения Швеции и России

³⁴ ПСЗ, I, № 374; II, № 1073, 1246; III, № 1364, 1490; IV, № 1997.

торых являлись полонные люди, убеждают в том, что во второй половине XVII в. полоняники действительно передавались по наследству и по данным, отдавались в приданое по рядным записям, покупались и продавались.³⁵

М. А. Дьяконов со ссылкой на указ от 7 сентября 1699 (1690) г. говорит, что в силу этого указа дворовые люди, в том числе и полонные, «подлежали отпуску на волю после смерти господина». И текст указа в Полном собрании законов, и понимание его М. А. Дьяконовым нуждаются в проверке. Февральский указ 1690 г. и мартовский указ 1694 г., ссылаясь на указ от 23 мая 1681 г., снова называют полонных людей в одном перечне с купленными и крепостными по поступным, данным, сделочным записям и «по всяким крепостям», предписывая записывать таких людей в приказе Холопьего суда, а в городах — в съезжих избах, запрещая держать их у себя без записки и устанавливая сроки записки.³⁶

Приведенный материал показывает, что представители и верхов феодального класса, и рядовые дворяне использовали предоставленную им законом и поддерживаемую традицией возможность похолопления пленников и дорожили ею.

В дальнейшем необходимо детальное изучение законодательства о пленных, выяснение — в какой степени это позволяют сохранившиеся «полоняничьи» и переписные книги — количественной стороны притока в состав зависимого населения полоняников, изучение их взаимоотношений с холоповладельцами, их положения в быту, использования в сельском хозяйстве и во дворах феодалов.

Вопрос о полонных холопах песомненно имеет значение для понимания социальных процессов, протекавших в Русском государстве в XVII в.

³⁵ ЦГАДА, ф. 141, Приказные дела старых лет, 1672 г., № 100; 1677 г., № 6; 1682 г., № 101 и др.; Памятники русского права, вып. 7, М., 1963, стр. 213—214; А. Лохвицкий. О пленных по древнему русскому праву, стр. 7; Ю. В. Готье. Замосковский край, стр. 293, 295; С. А. Шумаков. К вопросу о задворных и полоняных людях, стр. 4—5, 20—21, 24, 26; А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве, стр. 90, 110 и др.

³⁶ ПСЗ, III, № 1364, 1383, 1490; М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 4-е. СПб., 1912, стр. 381.